соотношение внутреннего мира и поступка, то разрешение коллизии оказывается результатом рефлексии персонажа. В первом случае речь идет о примирении всеобщей противоположности, созданной односторонностью вступивших в конфликт «духовных, нравственных, божественных сил» [1, т. 3, с. 542], т. е. о восстановлении целостности мира. Во-втором — о восстановлении внутренней духовной целостности человека, о преодолении раскола между внутренним миром и внешней реальностью благодаря исполненной воле и обретенной ответственности: «Драматический индивид сам пожинает плоды своих деяний» [1, т. 3, с. 541].

Разделение этих двух аспектов драматического действия лежит в основе соотношения принципов трагедии и комедии. Цели персонажей трагедии, по мнению Гегеля, субстанциальны. Сила трагического характера в том, что он «нераздельно сомкнулся с какой-либо особенной стороной этого устойчивого жизненного содержания, отвечающей его индивидуальности, и готов выступить на ее защиту» [1, т. 3, с. 575]. Иначе говоря, исходная ситуация трагедии состоит в том, что мир расколот («устойчивое жизненное содержание» расщепляется на обособившиеся стороны), а индивид, наоборот, «нераздельно сомкнут» с определенным субстанциальным началом и внутренне целен. Трагические характеры — «в высшей степени то, чем они могут и должны быть согласно своему понятию» [1, т. 3, с. 574]. Эта «замкнутость в своей определенности» — и нравственная заслуга, и вина героев трагедии: они «оказываются виновными именно благодаря своей нравственности» [1, т. 3, с. 576].

Если цель персонажа представляет собой «односторонний пафос», который неизбежно сталкивается с пафосом противоположным, то цель самой трагедии состоит в преодолении односторонности и достижении гармонии, т. е. в осуществлении «истинно субстанциального» [1, т. 3, с. 576—577]. Персонаж для решения этой задачи — лишь средство: «... в трагедии через примирение выходит победительницей вечная субстанциальность» [1, т. 3, с. 578].

В комедии же, как формулирует философ, «наоборот, верх остается за субъективностью в ее бесконечной самоуверенности». Последнее понятие, как и должно быть у Гегеля, раскрыто с помощью указания на адекватную ему реальность — смех: «... в смехе индивидов, растворяющих все в себе и через себя, мы созерцаем победу их субъективности ...» [1, т. 3, с. 578—579].

Судя по этому разъяснению, у нас нет оснований считать, что субъективность, о которой идет речь,— простой атрибут любого персонажа комедии, свойственный ему к тому же изначально. Подлинно комическое Гегель связывает с «бесконечной благожелательностью и уверенностью в своем безусловном возвышении над собственным противоречием». И далее: «... блаженство и благонастроенность субъективности, которая, будучи уверена в самой себе, может перенести распад своих целей и их реальных воплощений» [1, т. 3, с. 579—580]. Итак, это субъективность, обретаемая в результате «распада своих целей и их реальных воплощений», т. е. в итоге развития действия комедии.

В основе этого действия — контраст «между целями внутри них самих и их содержанием, с одной стороны, и случайным характером субъективности и внешних обстоятельств — с другой», контраст, также выражающий природу комического [1, т. 3, с. 581]. В исходной ситуации комедии персонажи не обладают субстанциальностью: либо «цели и характеры сами по себе лишены субстанции, противоречивы и поэтому не способны пробить себе дорогу», либо индивиды бесплодно пытаются осуществить «субстанциальные цели», для чего они оказываются совершенно непригодным «инструментом» [1, т. 3, с. 580—581] (отметим прямую противоположность действию трагедии).

В отличие от условий развития трагического действия, персонажи комедии изначально лишены внутреннего тождества. Они должны преодолеть «случайный характер» своей субъективности, а также случайность внешних обстоятельств, чтобы высвободилась их подлинная субстанциальная субъективность, с которой они смогли бы в конечном счете отождествиться. Именно в комическом действии реализуется гегелевская идея о самопознании персонажа и его «наслаждении